

A black and white historical photograph showing soldiers in a city during a battle. In the foreground, a soldier in a helmet is seen from the side, looking towards the right. Behind him, other soldiers are visible, some in a trench. In the background, a large clock tower with a circular clock face is prominent, along with other buildings and a crenelated wall. The scene is filled with the chaos of war, including debris and smoke.

**ЮРИЙ
БЫЧКОВ**

В ПРИФРОНТОВОЙ
ПОЛОСЕ
1945-2015

Юрий Бычков

В прифронтовой полосе

«Пробел-2000»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44

Бычков Ю. А.

В прифронтовой полосе / Ю. А. Бычков — «Пробел-2000», 2015

ISBN 978-5-98604-491-0

Писатель воспринимает собранную из памятных событий книгу, как эскиз, первый приступ к неисчерпаемой исторической теме Отечественной войны 1941–1945 годов. Автор готов, получив отклики, фотодокументы, сообщения и уточнения, дополнить свою работу новыми материалами, переработать в очередную книгу, приняв близко к сердцу каждое замечание. Пусть эти воспоминания, изданные к юбилейной дате 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, станут началом новых исследований и открытий об участниках битв и несправедливо забытых героях.

УДК 821.161.1

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-98604-491-0

© Бычков Ю. А., 2015

© Пробел-2000, 2015

Содержание

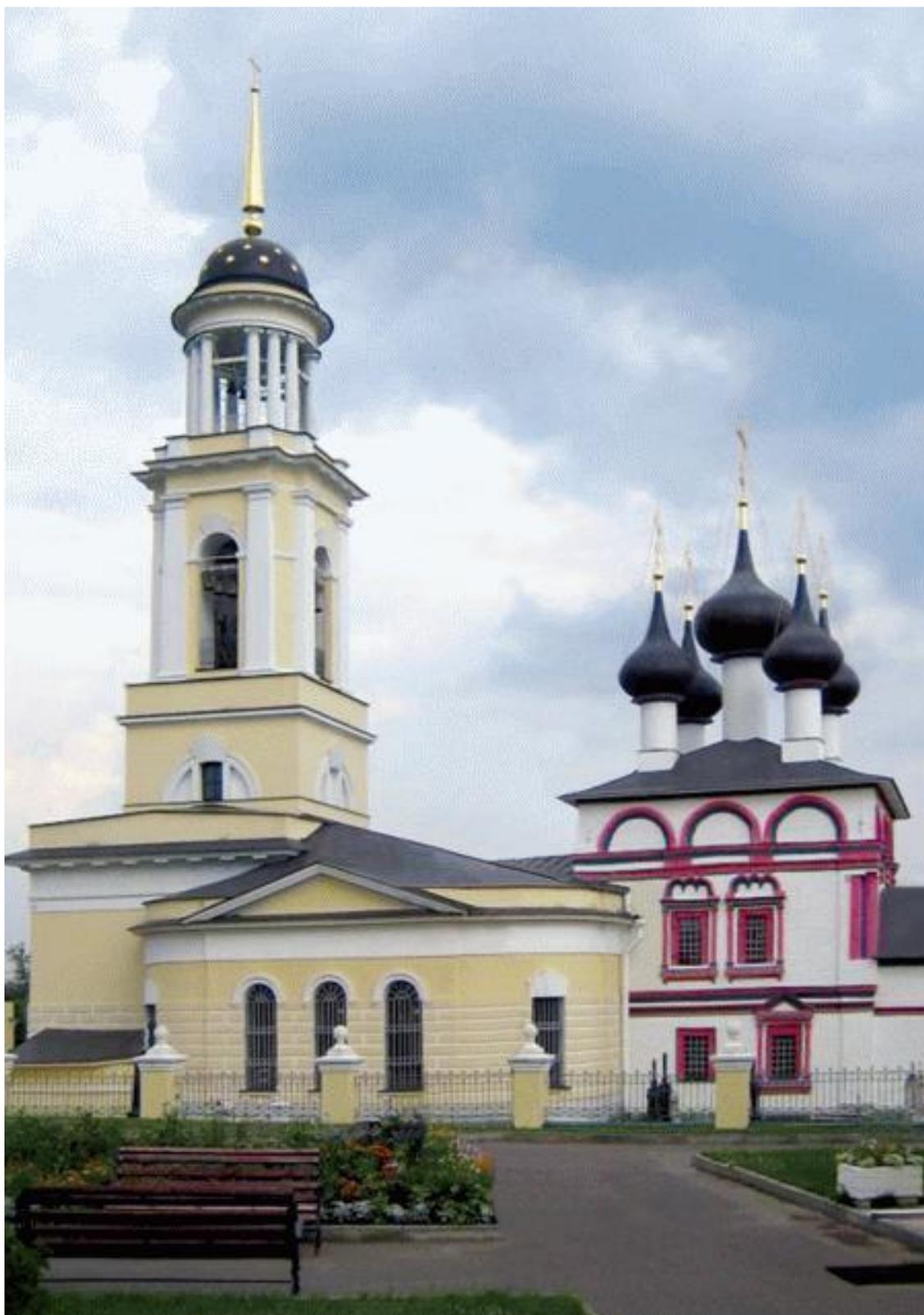
В личном аспекте	8
В небе Подмосковья летом сорок первого	12
Промазал	17
Беженцы	19
Дом	28
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Александрович Бычков В прифронтовой полосе

© Бычков Ю. А., текст, 2015

© ООО «ПРОБЕЛ-2000», оригинал-макет, 2015

*Посвящаю моей бабушке Бычковой Анне Игнатьевне, прихожанке
Зачатьевской церкви*

Снять с чувств былых совсем не просто забвенья пелену. И всё же, отчего благой фантазии не быть?!

*На бадеевском взгорье
Над Лопасней-рекой
В тишине предзакатной*

Торжествует покой...

Окормляя всё сущее лёгкими серебристыми, вкупе с густыми, забронзовевшими звуками басистых колоколов, над древней Лопасней плывут музыкальные пассажи *благовеста*. Вслушайтесь, и поведаст вам благовест первоисторию христианства через судьбу земной женщины праведной Анны – матери Богородицы Девы Марии. Прямая для всех нас связь с Господом Богом.

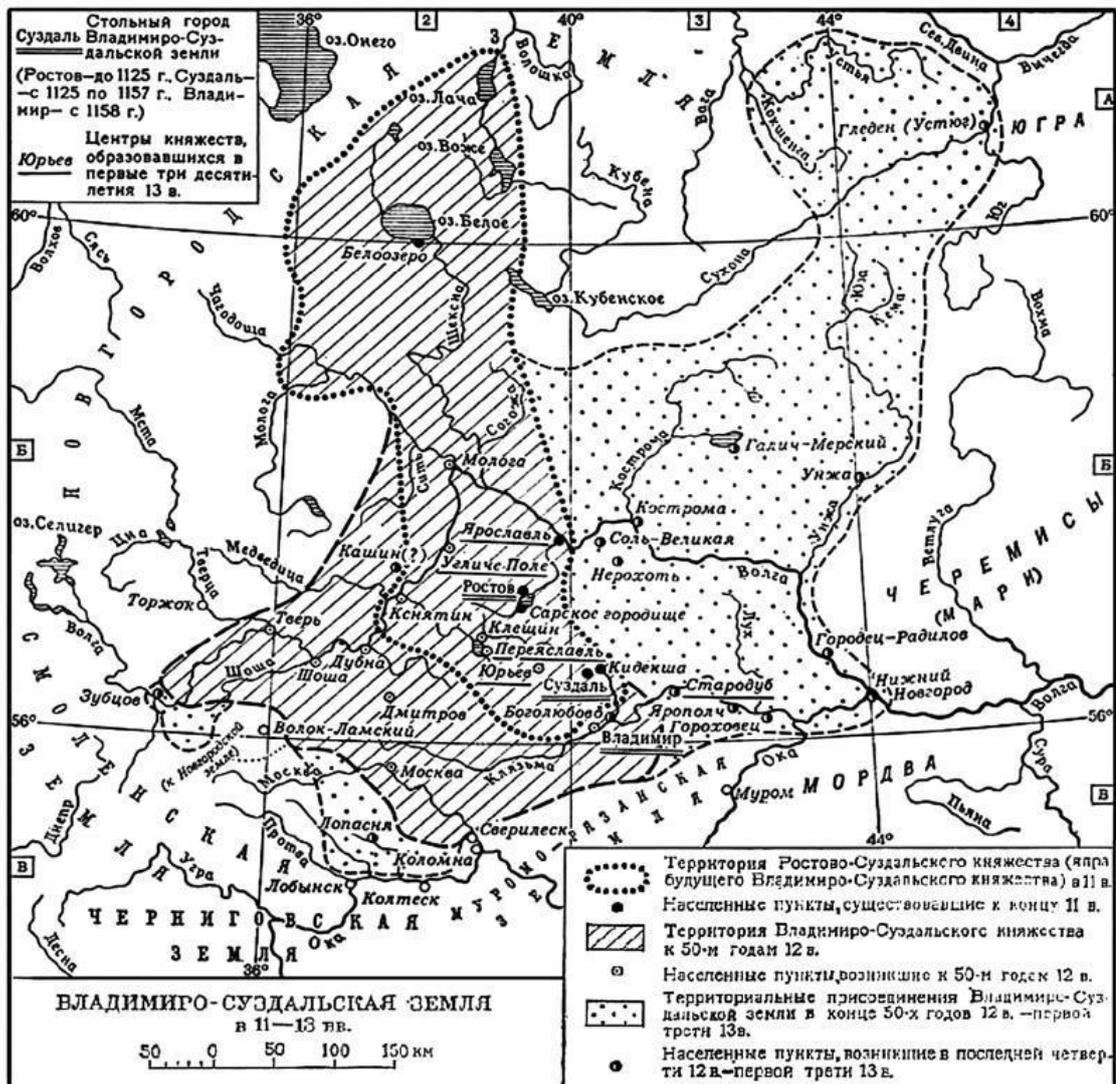
Трёхъярусная колокольня Церкви Анны праведной Зачатия в Лопасне видна отовсюду, а коли не заметишь её, так услышишь благовест мелодичный и прозрачный. На его зов придёшь в Зачатье, с которым связано главное в судьбе каждого лопасненца. В этой церкви крестили, венчали, отпевали большинство прихожан древнего храма.

*С древней в прахе лет дороги,
В перестуке тающем колёс,
Мне пригрезилось, что боли и тревоги
Ангел Божий за черту небес унёс.*

*Благовест в земном пространстве тает,
Кажется я слышу колокол сейчас,
Ведь спасения всяк смертный чаёт —
Божий глас зовёт к молитве нас...*

В личностном аспекте

«Охота пуще неволи...» Говорят так, когда берутся за что-либо сложное, трудное, ответственное, кажется даже, неподъёмное – берутся не по обязанности и необходимости, а по желанию. До десяти лет я ещё не дожил, как началась война. Великая Отечественная. К осени сорок первого поля сражений придвинулись к моей родине – древней Лопасне. (Впервые упомянута в Ипатьевской летописи под 1176 годом. На карте «Владими́ро-Суздальская земля XI–XIII вв.» кружочек, коим означена Лопасня находится в самом дальнем юго-западном углу могущественного княжества.)

О Лопасне вспомнил прежде всего другого, потому что хочу известить читателя: в книге Лопасня – исток многих сюжетных линий повествования, основанного на хронике собственной жизни. Так сказать, мемуарный аспект здесь главенствует. Пошёл именно таким путём как живой свидетель исторических событий, не знать, не ощущать существа которых, значения их, недостойно граждан России.

Старая Лопасня

Принцип, «если не я, то кто?», позволяет видеть, вспоминать то, что происходило в прифронтовой полосе юго-западного направления времён грандиозной битвы за Москву. Я не хроникёр военных действий, а рассказчик, создающий панораму жизни той незабвенной поры.

Не ради афиширования собственной персоны это делаю, а чтобы дать ещё один срез проявления общественного сознания (патриотизма не на словах, а на деле), в среде, говоря языком прошлого времени, простонародной, обывательской. В прифронтовой Лопасне каждый по силе возможностей вносил свою лепту в реализацию лозунга: «Всё для фронта, всё для победы». И потому был патриотом.

Алексей Макаров и Юрий Бычков – дети войны. 1945 год

Все, с кем так или иначе пересекалась моя жизнь – от маршала Победы Георгия Константиновича Жукова до ветхой, насквозь больной, родной бабушки Анны Игнатьевны Бычковой, вдовы погибшего в Первую мировую деда – Ивана Сергеевича, приближали победу, как могли. Каждый в соответствии с масштабом личности.

Моим сверстникам публицисты дали прозвище – дети войны. Это ко многому обязывает. Пришло время нам, детям войны, запечатлеть, оставить потомкам в назидание свой взгляд, своё суждение об эпохе Великой Отечественной войны.

Во мне исподволь зрела, копилась потребность, желание собрать воедино всё, что касалось Великой Отечественной в моём личном восприятии. Чувство нарастающей тревоги в канун войны, инстинктивная тяга к истории нашего русского общества, порождали предчувствие германского нападения на СССР.

Поползновения германского милитаризма поработить, поглотить Россию имели явно выраженный циклический характер: сколько раз русские били немцев – всё не в прок. Экономические, торговые отношения между двумя крупнейшими государствами Европы обрывались, как только немцам удавалось оправиться от очередного поражения. От германца, что называется, род мой нёс неизбежно людские потери, как и едва ли не каждая русская семья. Грозную атмосферу ощущали в нашей стране многие.

Да, да! Впечатления от четырёх лет войны многообразны и грандиозны для меня, подростка, в прифронтовых условиях стремительно мужавшего духовно и физически. Череда послевоенных лет проходила в стране под знаком напряжённой работы по преодолению последствий всё рушившей войны и подготовки к отражению угрозы Третьей мировой...

Поступление в 1949 году в Московский авиационный институт стало для меня, гуманитария в душе, вполне понятным и логичным поступком – то было подспудное желание делом, своим трудом, разумом способствовать укреплению обороноспособности Родины. Страна остро нуждалась в инженерных кадрах.

Большой запас впечатлений, раздумья историко-философского характера, многообразные формы писательского, умозрительного присутствия, не оставлявшего меня в прифронтовой полосе моего разума, дождались своего часа, чтобы накопившийся материал выстроился в стройную систему и перекочевал на страницы этой книги. Дневниковые записи, письма, воспоминания родственников, факты истории, философские притчи, встречи и доверенные мне суждения тех, кто в государственном масштабе вершил историю Великой Отечественной – всё это стало исходным материалом книги с конкретным, обозначающим тему названием «В прифронтовой полосе».

Естественно, в ходе долгой и сложной работы, возникло произведение, в котором читатель, надеюсь, найдёт концептуальный взгляд автора, современника Великой Отечественной, на события глобального масштаба, ставшие осью мировой истории второй половины XX века. Мне представляется, что личностный подход, психологическая подоплёка сюжетов исторического процесса даёт возможность яснее видеть проявления патриотизма и народного единства, а также действия и переживания народа, волею истории почти постоянно пребывающего в прифронтовой полосе.

Моё сознание, через память, размышления, пересечения с документами, артефактами, художественными произведениями, постоянно пребывало в прифронтовой полосе.

Кто не замечал такой странности – в газетах, книгах, электронных СМИ, докладах научного характера, о Великой Отечественной войне, говорят скороговоркой: «В 1941–1945 гг. погибло 28 миллионов человек, цифра уточняется». Обычно, эта огромная цифра называется, но пролетает мимо ушей, люди не воспринимают её в эмоциональном контексте, поскольку за громадностью цифры людских потерь становится неосознанной величина человеческой личности!

Мы знаем, в небольшом фрагменте материи, что бы это ни было, присутствуют миллионы молекул, и каждая из них для сознания нашего одинакова. Но в науке с её современным инструментарием у каждой молекулы для исследователя «своё лицо». Неладья с какой-либо изучаемой, меченой молекулой, играющей ключевую роль в чаемом исследователем открытии – крах его творческого замысла, горе, которое не знаешь как пережить.

У каждого из тех 28 миллионов, что погибли на войне – мать, жена, родные и близкие, для которых его гибель – непроходимая боль, горе, трагедия. Они переживают гибель родного человека весь остаток существования своего на земле.

Воздействие теории больших чисел таково, что, скажем, зависимость эффекта восприятия расстояния от наблюдаемого объекта бывает оглушающе парадоксальной.

В ясную безоблачную ночь, из-за бессонницы наблюдая через оконное стекло за звездой, сознаю, ощущаю – звезда пленяет мой взор своим ласковым нежным голубоватым сиянием. Но стоит ли говорить о невозможности физической (глаза тотчас лопнут), окажись я на расстоянии, скажем, в сотню тысяч километров. Никакие глаза не смогут лицезреть с этого расстояния объект с температурой в миллионы градусов.

Всё, что осталось от многих, ушедших на войну – клочок бумаги из казённого дома, военкомата, с написанными от руки или напечатанными словами: «Ваш сын (муж) погиб смертью героя в боях с немецко-фашистскими захватчиками» или «пропал без вести». Пропал, говоря народной мудростью, как в воду канул. На нашу, как и на миллионы других семей в СССР, словно кто наложил заклятие, многие ушли навсегда, оказавшись на войне, оставили о себе лишь сообщение в виде казённой бумажки: мой дед Иван Сергеевич, его сын Сергей, муж его дочери Софьи Пётр Лугов, отец моей жены Серафим Дмитриевич Козлов.

От Петра Лугова мне в наследство досталась пачка писем с фронта. В них запечатлена горячая, не гаснущая, вот уже семьдесят лет прошло, любовь. Высокая звёздная температура этой любви светит, греет, восхищает и сегодня. Хочется верить, будет она с людьми и в дальнейшем!

Пусть учатся ТАК любить, идущие вслед за нами...

В небе Подмосковья летом сорок первого

С шутками-прибаутками, согнувшись в три погибели, впервые забирались в самодельные семейные бомбоубежища жители Почтовой улицы, после объявления воздушной тревоги. С любопытством: что же это такое мы соорудили? Пошли волны: первая, вторая, третья... Вражеские самолёты с надрывным гулом проследовали на Москву. Никаких поползновений атаковать Лопасню, неразличимую для пилотов «юнкерсов» и «хейнкелей», поскольку граждане, все без исключения, смиренно соблюдали светомаскировку, а своими зенитками Лопасня пока что не обзавелась и представляла собой ничем не угрожающую идущим на бомбёжку столицы СССР бомбовозам территорию. Из такого далёкого далёка как 2015 год хорошо видно – не успели создать основательную противовоздушную оборону, как ни старались.

В бомбоубежище

Лопасненцы выбирались из самодельных бомбоубежищ как бы разочарованные, шли к своим делам и обязанностям. Мал и стар вглядывались в безлунные тёмные небеса. Старухи, осенив себя крестным знаменем, шептали или проговаривали вполголоса: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Пречистая Богородица, спаси и сохрани».

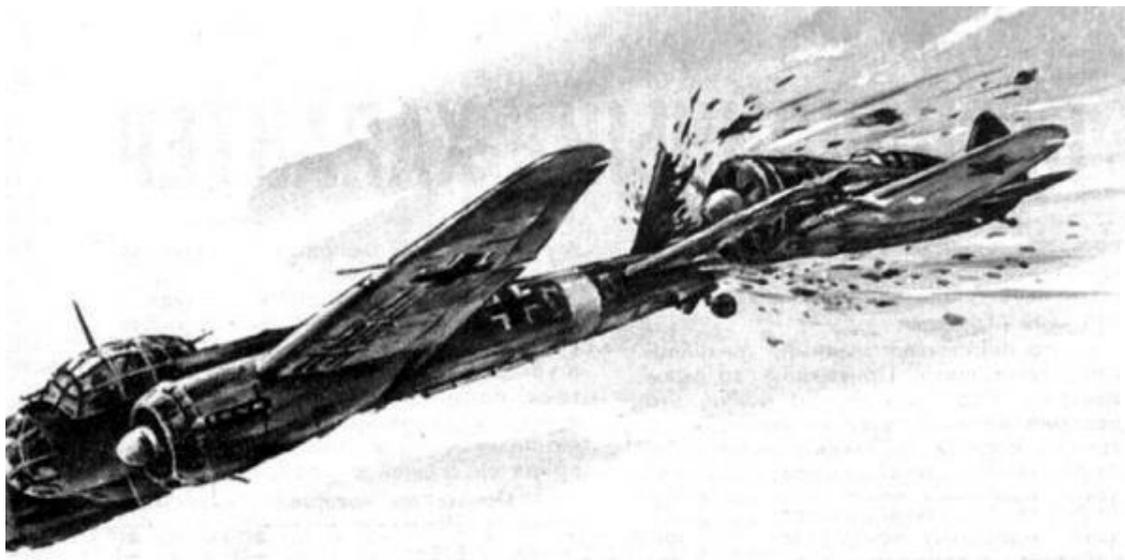
Где-то под Подольском, на первой линии заградительного огня, ухали высотные крупнокалиберные зенитки. Когда волна бомбардировщиков оказывалась в зоне поражающего огня, батареи ускоряли темп стрельбы, и значительно возрастала плотность огня. Канонада превращалась в рожучие громовые раскаты, длящиеся по две-три минуты.

Изредка, на большом отдалении, вспыхивал огненный шар, стремительно летящий к земле. Раскатистое эхо от удара о землю сбитого зенитчиками фашистского рейдера доносилось до настороженной Лопасни.

Разгоралось лето. Конец июня – самые долгие световые дни. В ивовых зарослях, кустах бузины над речкой Жабкой смолкали один за другим соловьи. Но безмолвие ночей, в которых «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса», по твёрдому немецкому расписа-

нию (орднунг) возникал приближающийся с западной стороны гул «юнкерсов» и «хейнкелей», устремляющихся зловещими чёрными коршунами терзать бомбами Москву.

Однажды, хорошо помню, это происходило в лунную июльскую ночь, у нас над головами шёл ночной воздушный бой, вошедший в отечественную историю. Пересекающиеся строчки траассирующих пуль, короткие вспышки пламени, следующее за этим ухање скорострельной авиационной пушки – световое и звуковое выражение пушечного огня ночного воздушного яростного сражения. И вдруг всё смолкло и пропало из поля зрения. Что случилось для наблюдавших ночной бой стало понятным, когда преследуемый истребителем бомбардировщик выскользнул из облака. Над ним, догоняя его, нависал истребитель, который также безмолвствовал. Кончился боезапас у одного и у другого. Что будет дальше? Чем закончится эта безмолвная атака? Кто возьмёт верх?

Атака Талалихина

Лётчик-истребитель, младший лейтенант Виктор Талалихин – это наутро узнал мир из сообщений московского радио – продолжил атаку, когда понял, что боезапас исчерпан. Имея превосходство в скорости и маневренности, Талалихин настиг вражеский бомбардировщик, стремящийся нырнуть в облако, и протаранил его, разрубил хвостовое оперение «юнкерса», как вилочку капусты. Наблюдавшие эту воздушную битву лопасненцы проводили глазами два огненных шара, упавших на поле вблизи поселка Добрыниха Лопасненского района. Хотите соглашайтесь, мои читатели, хотите думайте по-своему, не могу не выдвинуть рвущуюся наружу аналогию: «Челубей и Пересвет» в небе над Лопасней сошлись в воздушной схватке знаково, тем была предречена полная победа советской, русской авиации, над германской Германией Геринга, которая в сорок первом году, безусловно, была сильнейшей в мире.

Талалихин после богатырской схватки приземлился на парашюте. Звезда Героя увенчала его грудь. Первый таран в ночном небе! Наблюдать за небесными светилами важно, необходимо, лишний раз подтверждает история тарана Виктора Талалихина.

Война, развернувшаяся на гигантском пространстве от Баренцева до Черного моря, в Лопасне, ещё до того как наш райцентр стал прифронтовой полосой, напоминала о себе воздушными боями в небе южного Подмосковья. Мне приходилось не раз их наблюдать. (До того, как в школе нам начали преподавать географию, карта нашей необъятной страны была постигнута мною досконально: изучал её по сводкам Совинформбюро; а по газетам, до которых я, ученик третьего класса, жаден был сызмальства, постигал карту глобального масштаба. Глобус представлялся мне игрушкой.)

Виктор Талалихин у протараненного самолёта

Однажды, прямо как в кино, увидел яркий по краскам фильм. Приходит на ум литературная ассоциация, кажется, из Хемингуэя: «Над Испанией чистое небо». Над Лопасней в то июльское утро голубело чистое небо, залетевший так далеко немец-разведчик был встречен двумя нашими ястребками и сбит. Пилот германский аккуратно парашютировал. В поле под Сениным был взят в плен и привезён в Лопасненский райисполком. Когда он проходил через строй любопытных горожан, я заметил надменное выражение лица сбитого над Лопасней арийца: «Подумаешь, сбили...» «Чего косоротиться!» – выкрикнул кто-то из толпы, собравшейся возле райисполкома. Немец пленный в июле сорок первого – диковинка!

Война раскручивала свой маховик, а мы в Лопасне о фашистской армии, фашистах, их зверствах слышали по радио, видели разрушенные города, виселицы и прочие ужасы лишь в кинохронике, сопровождавшей все без исключения художественные кинофильмы в районном доме культуры рядом с нашим домом. С ДК связано множество памятных событий, к нашей теме относятся два, пожалуй, особенно прочно, основательно.

В декабре, когда снега было ещё маловато, а лыжи – моя страсть, я после уроков на своих лыжатах-коротышках решил поискать сугробов вдоль Жабки, прошёл ручей до устья и свернул там на Почтовую улицу. Направляясь к дому, продвигался по укатанной санями улице моего детства. Держал в одной и другой руке по лыже. На подходе к дому, на перекрёстке Почтовой с Венюковским шоссе меня озадачила странная глухая тишина. Подумать: «Отчего?» не успел, но успел бросить взгляд вперёд и вверх, увидел близко-близко летящий на меня «мессершмит» и упёртый в меня, мальчика-цель, взгляд лётчика – стремительно нырнул вперёд, распластался на мёрзлом асфальте перекрёстка. Звуковые компоненты атаки штурмовика проявились в моём сознании с некоторой задержкой, как по законам физики положено. Свист пуль авиационного пулемёта, грохот взорвавшейся бомбы, треск ломающейся торцевой стены двухэтажного здания дома культуры, смягчённая снегом дробь ударов о землю битого кирпича. Как-то легковесно в этих обстоятельствах выглядит то, что я сказал бегущей мне навстречу бабушке: «Поднялся целёхонький, отряхнулся от кирпичной пыли и щебня, подобрал свои лыжицы и двинулся тебе навстречу».

Пулемётные очереди увидел час спустя, похлебав горячих щей, их пунктиры легли в пяти метрах от следочка моего валенка, легко узнаваемого – «недошита, старенька», как пела Лидия Русланова. Я вспомнил «охотничий», устремлённый на меня зрак лётчика-фашиста шестьдесят лет спустя, прохаживаясь под сенью дерев по обожаемой берлинцами Унтер дэн Линден. Другие времена – иные чувства и песни...

Моя бабушка

Второе событие, накрепко связанное в моём сознании с лопасненским домом культуры – выход на сцену в спектакле по пьесе Виктора Гусева «Слава». Я представлял на сцене ДК полковника Очерета. Интригу в пьесе обеспечивала огромная, пришедшая в движение гора. Её надо было укротить. Когда Виктор Гусев писал монологи Очерета об укрощении горы бесноватый Гитлер орал в радиозэфире на весь свет о своих планах завоевания мирового господства. В предчувствии похода фашистской Германии на Восток, каждый в России вполне мог себя представить оказавшимся в прифронтовой полосе. Это провидение живёт в пьесе. О «Славе», впрочем, разговор впереди. А мне пора познакомить читателя с домом Бычковых, его историей, его обитателями, жизнь которых в прифронтовой полосе, потери и обретения составляют сердцевину содержания этого повествования о Великой Отечественной, как пример жизни и борьбы типичной, характерной русской семьи.

Промазал

В прифронтовой полосе Лопасня находилась всего-то полгода, а морально-психологически соприкосновение с вражескими силами продолжалось целую вечность. В моём сознании, так уж сложилось, нашествие немецко-фашистских войск в 1941 году, остановленное на подступах к Москве, напрямую связано с моей судьбой. Враг не преодолел стремиловского рубежа обороны, что имело особое значение. Десятилетний мальчишка, увы, не сознавал символического смысла того факта, что враг дошёл почти что до порога родного дома матери и, не без Божьего догляда, через порог всё же не переступил. Ни Стремилово, ни Лопасня взяты фашистами не были, бомбёжка и обстрелы не в счёт.

Мне 10 лет

В вечерней осенней чуткой тишине с юго-западной стороны до Лопасни доносились гулкие, отдалённые раскаты гаубичных батарей. В сторону, где разгоралась вечерняя заря, уходили на большой высоте отбомбившиеся вражеские самолёты. Запад на интуитивном уровне

сознания, связанным с историческим чутьём, представляется истоком зла, смерти и разрушения для Русской равнины. Когда в почтенном возрасте, с почётной, благодатной миссией я оказался в самом центре Берлина, десятилетиями представлявшимся местом, скованным тяжкой тайной, детское впечатление растаяло, как ледяная сосулька, в лучах жаркого весеннего солнца. Однако память хранила тяжёлые воспоминания, всплывшие вдруг во время экскурсии по Берлину не случайно.

«Юнкерс» (Ju-88)

Как-то летом сорок первого я возвращался с полной корзиной грибов из леса с тёплым ласковым названием Маруиха. Шедший на запад «юнкерс» зачем-то снизился и пилот прицельно сбросил на меня 100-килограммовую бомбу. Промазал, а затем стал поливать мальчишку с корзинкой на руке из крупнокалиберного пулемёта. Очереди ложились близко, шелестели по траве совсем рядом. Поохотившись за мальцом, немец, набрав высоту, улетел восвояси.

Беженцы

Юго-запад по понятиям лопасненцев – гнилой угол: летние и осенние дожди приходили преимущественно с этой стороны. Бывало так, что тучи шли и день, и два, и две недели подряд, тогда загнивала и пропадала скошенная в неудачное время трава и сеяный урожайный клевер пропадали. Лопасненцы в законном раздражении на ползущие низко над землёй и сеющие беспрерывно дождевую напасть тучи ворчали: «Гнилой угол».

В сорок первом, с конца июля, с того же юго-запада через Лопасню хлынул поток беженцев – горе, нищета, убогость, разорение и жалость... Иные семьи уже месяц, а кто и больше, тащились со своей худобой с брянщины и смоленщины. Хорошо, если была при них лоша-дёнка, а не то скарб семейный размещался в двухколёсной тележке, влекомой теми, кто посильней.

Гнали через Лопасню стада породистых коров со смоленщины сычёвской породы. Жили надеждой, вернувшись из эвакуации, возобновить на родной земле молочно-товарное производство высокого класса. Останавливались на ночлег горемычные вблизи колхозных хозяйственных дворов – какая-никакая поддержка и подмога. Отдохнуть, себя в порядок привести, скотине дать возможность подкормиться, ветеринара местного привлечь к ранам и болезням, приставшим в долгой дороге к скотине, вместе с людьми совершавшей долгий переход на восток, подальше от преследующего по пятам врага – германской армии. Именно

тогда председатель колхоза Александра Алексеевна Аксёнова распорядилась построить возле конюшни пункт питания – избушку с кухней, котлом, посудой, хлеборезкой... Эвакуированные, беженцы, за день проведённый в «Красном октябре» набирались сил и к вечеру, по прохладе, спускавшейся с небес в сумерках, продолжали путь на восток.

Какая-то небольшая часть беженцев из числа гражданского населения Калужской, Смоленской, Тульской областей по милосердию, родственным связям, благодаря помощи райисполкома закреплялась в Лопасне. А в сторону фронта на юго-запад шёл поток армейских сил, призванных противостоять немецко-фашистскому, наступающему, подминающему всё под себя железному катку.

Одним словом, в прифронтовой полосе совершалось то важное, необходимое, что предотвращало, как теперь выражаются, гуманитарную катастрофу. На каждом производственном предприятии, в каждом колхозе, а их в Лопасненском районе было около сотни, в каждом доме, имевшем собственное хозяйственное обзаведение, шла интенсивная, с раннего утра до самой ночи, работа под лозунгом, реальным на сто процентов: «Всё для фронта, всё для победы!».

Разве выдержал бы народ всепоглощающую, уничтожающую, разоряющую четырёхлетнюю войну, если бы не самоотверженный труд всех граждан страны. Не на американской же тушенке вынесли мы невыносимые испытания Великой Отечественной! Никто никого не тетешкал, никто не раскисал – все трудились, поддерживая друг друга морально и физически.

В прифронтовой полосе напряжение сил усугублялось также необходимостью быть в любой момент готовыми к эвакуации – вывозу населения, предприятий, учреждений из местности, находящейся под угрозой неприятельского нападения, разорения и оккупации.

Беженцы из Донецка. Осенью 2014 года Россия приняла около миллиона человек

Прифронтовая полоса в большей мере – духовно-нравственное понятие, нежели ограниченное во времени и в чётко выстроенных географических координатах пространство – территория, оказавшаяся в сфере военно-исторической кампании в ограниченный период времени. События, крутые повороты в людских судьбах, перемены и ожидания в контексте прохожде-

ния больших отрезков истории, суть – это сама «прифронтовая полоса», предъявляющая ко всем, кто оказался в ней или в поле её притяжения, определённые требования, самоограничение свободы личности. Точнее говоря, целенаправленное, подчинённое в значительной степени установленным нормам бытия, ответственное существование в прифронтовой полосе – особая жизнь.

Возникает порой такая экстремальная, парадоксальная по своим параметрам и сущности «прифронтовая полоса», которая вдруг охватывает территорию «от Москвы до самых до окраин». Что конкретно имеется в виду? Пожалуйста, вот ответ: приём, размещение, всяческое поддержание беженцев из городов и посёлков Донбасса летом-осенью 2014 года гражданами России от Ростова-на-Дону до Амурской области и Приморского края. И повторение всего этого в январе-феврале 2015 года. Вся наша страна не по нашей воле, де-факто в 2014 году очутилась в прифронтовой полосе. Но нам не привыкать. Справились.

Вон ещё когда, в первой четверти XIX века, Александр Сергеевич Грибоедов вложил в уста прагматичного персонажа пьесы «Горе от ума» Павла Фамусова: «Пофилософствуй – ум вскружится». Это к тому говорится, что и, вправду, у какого угодно мудреца «ум вскружится», когда обратишься к чудовищной нелепице изречённой в Берлине на весь мир буйно помешанным, неким Яценюком из числа фашиствующих киевских политиканов: по его словам Россия совершила агрессию в 1943-44 годах, изгоняя немецко-фашистских захватчиков с оккупированной Украины (Украинской советской социалистической республики), неотрывной части СССР, страны, ведущей войну с гитлеровской Германией. Впрочем, рецидив фашистской заразы захватил всю Украину.

Последствия киевского путча – гражданская вой на на Украине, голод, холод, разрушенные города и посёлки, десятки тысяч убитых и раненых – как ни крути, имеют место быть в этой прифронтовой полосе. На протяжении веков уровень взаимопонимания двух братских народов много раз опускался ниже нижней планки, и в силу этого она, Украина, была для России втуне «прифронтовой полосой». Естественное желание России быть вместе с народом Украины постоянно встречало сопротивление всех кому не лень разжигать ненависть, идею несовместимости, якобы существующее стремление «москалей» закабалить вольный народ, который до сих пор, до конца ещё не уверовал в свою идентичность, тождественность.

Вспомните историю, так и есть: «пофилософствуй – ум вскружится». Наговорено о пресловутой независимости (нэзалэжности) Украины и в связи с межнациональным конфликтом, организованным госдепом США, чрезмерно много и всё впустую. Г-жа Псаки – перекрывает логику своей императивной наглостью. Россию не оставят в покое. Быть ей в прифронтовой полосе «ныне, и присно, и вовеки веков». Ну, что ж, такова судьба наша. Аминь.

... В начале моего повествования помянута была речушка Жабка. К Жабке задами усадеб выходили живущие по левой, нечётной, стороне Почтовой улицы. По разному они применяли это прибыльное обстоятельство в обустройстве хозяйства. Прежде всего, большое удобство – близость в нескольких шагах уютной, можно сказать, домашней речушки Жабки: выпас гусей да уток, тёплая вода для полива огородов. Хозяйки на скорую руку могут прополоскать тканые половички, кухонную да хозяйственную одежду, тёмное бельё – просто благодать!

Особая речь – водоём у запруды. Это ребячья радость и потеха. В тёплое время мы и ныряли, и плавали здесь. Прибывшиеся к запруде упавшие осокори поступали с этой природной верфи в нашу «потешную» эскадру. Излюбленным способом победить противника был у нас абордаж. Крики, ликование царили на берегах Жабки, после того как матросам нашей эскадры удавалось сбросить с плавающих стволов осокорей «турок» или «шведов» в жёлтые от растворившейся глины воды.

После ледостава на льду речки случались едва ли не каждый год сражения стенка на стенку парней и бойцов со стороны Лопасни: «Кирибеевичи» с «Калашниковыми». Бадеевские

– выселенные с берегов Волхова Иоанном Грозным новгородцы, а лопасненцы – сплошь купцы, торговые люди. Стенка на стенку! Чего недоставало? Что, собственно, делили-то старобадеевские и лопасненские участники кулачных боёв?

Гаген Д. «Сценки жизни селян». Кулачный бой

Противостоящие по берегам Жабки бойцы битый час выкрикивали обидные слова и оскорбления, а мы, мальцы, бегали по проходу между изготовившимися к сражению и выкрикивали поджигающее: «Вам не податься – нам не посмотреть!» Старобадеевские помнили, надо думать, о славе воинской своих далёких предков. Мой учитель, друг и наставник, историк земли лопасненской, Алексей Михайлович Прокин, когда в 1980-м занялись с ним поисками следов участия Лопасни в битве на Куликовом поле, известил меня (он на протяжении нескольких десятилетий систематически работал в московских архивах): «Со Старого Бадеева, Юрий, на Куликово поле ушли в полк Владимира Андреевича Серпуховского пешие ратники – двадцать шесть душ. Твоя бабушка Анна Игнатьевна со Старого Бадеева. Ведь так?»

А. М. Прокин

В моей родной Лопасне (ныне город Чехов) на центральной площади возвышается на гранитном пьедестале памятник – бюст Алексею Михайловичу Прокину. Кто ещё так глубоко, с основательным научным подходом всё имеющее отношение к истории края знал и готов был растолковать причину и следствие события, сообщить, в какой год, день и час свершилось достойное внимания?! Я дружил с ним до последнего, до крайнего срока его земного бытия.

и все время и в 5ом и теперь в
местом классе не разу не брад в руки
книжку все запомнено так. Трепадай
историю Алексей Михайлович Прокин ты
наверное его знаешь. В этот год я уже
поучил 3^ю матерку. Он каждой раз
спросит человека два-три, а потом
начинает рассказывать; а после того
как расскажет говорит: "Ну кто пойдет
рассказывать" это то что он только-что рас-
казал и всегда поднимает руку и
рассказывают как рассказывал он нача-
ла он ставил матерку, а потом не-
стан ставит говорит хватит с тебя
этот же. Ну об школе довольно, а то
этак и двух листов нехватит.
Благодаря, мы все время собирались
строить олимпиаду готовили матерку.
Наконец собрались, три воскресенья
и матники делами его все поучились

Чудом сохранилось моё письмо, отправленное отцу на фронт летом 1944 года, в котором речь идёт о появлении в нашем классе учителя истории Алексея Михайловича Прокина. Кто только у него не учился, и все были его друзьями!

Памятник А. М. Прокину на центральной площади города Чехова

Навсегда осталось в памяти с какой страстью, своим неповторимо прекрасным протодьяконовским басом, гулко, в растяжку читал Алексей Михайлович стихотворный цикл Александра Блока «На поле Куликовом». Сокровенно, с нарастающей силой чувства, едва осязаемой дрожью в голосе, так читал он заглавное стихотворение:

*Река раскинулась. Течёт, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной жёлтого обрыва
В степи грустят стога.*

*О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.*

*Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной —
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной —
Я не боюсь.*

*Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснёт святое знамя
И ханской сабли сталь...*

*И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...*

*И нет конца! Мелькают вёрсты, кричи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови...*

Дом

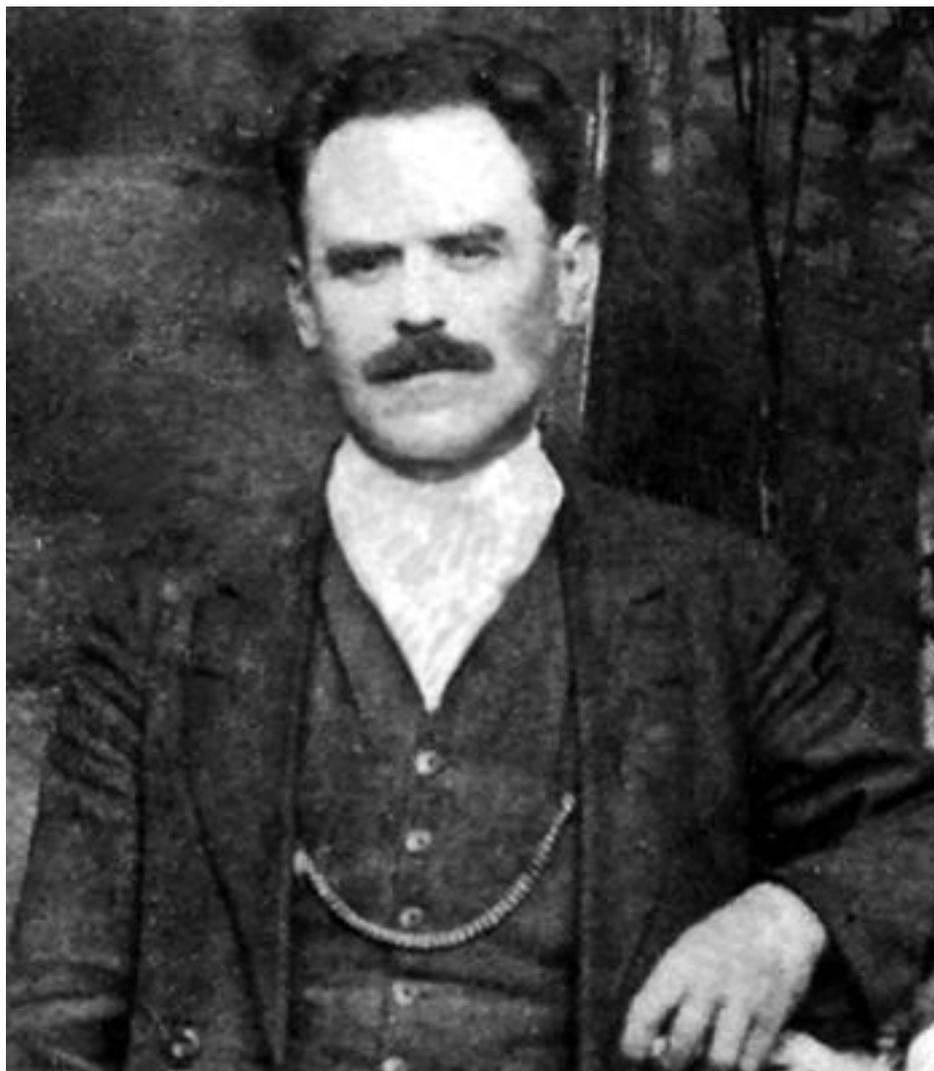
Сколько он видел и слышал, знает сколько! Только вот молчит, не говорит. Низ – каменный, верх – деревянный. Дом Бычковых. Возраст у дома почтенный – сто тридцать лет. В нём складывалась написанная мною ранее сага о роде Бычковых – для старой Лопасни характерная семейная история.

Дом построил в 1885 году мой прадед Сергей Алексеевич Бычков, как теперь бы определили его социальный статус – представитель малого бизнеса. Он держал извоз – по-нынешнему транспортную контору. Существенных доходов лошадиное дело, не приносило, а честолюбие у Сергея Алексеевича было ой! Ещё какое!

Дом Бычковых

Извоз всё-таки дело перспективное, полагал прадед и тянулся изо всех сил вверх. Конечно, у него не столь внушительная внешность; не то, что у того рыжего богатыря Толоконникова из Угрюмова Лопасненской волости, что угодил в Петербург, и стал кучером императора Александра III, которому служил верой и правдой. Однако не всем императоров в золотой карете возить!

Сергей Алексеевич Бычков. От него род лопасненских Бычковых пошёл

Выполняя заказы лопасненских купцов-предпринимателей, Сергей Алексеевич Бычков, будучи человеком жениховского возраста, не желал поверять на себе до старости справедливость пословицы – и в раю жить тошно одному, приглядел невесту с приданым, которое, как он полагал, само в руки ему идёт. Отец невесты – лесоторговец. Стало быть, следует ожидать, что приданое будет в виде леса на постройку дома для молодых, а это обеспечит всё его будущее. Ан нет! Купчина ограничился вещевым приданым, понимая, что сама невеста – редкостный бриллиант. Матрёна Дмитриевна – красавица, умница, а отдаёт он её в жёны неказистому, тороватому, расчетливому и нахрапистому мелкому предпринимателю. Видать, сваты сумели пыль в глаза пустить бегичевскому толстосуму, до Лопасни-то от Бегичева два десятка вёрст – ври сваха вволю! Что собой представлял жених, если говорить о сущности и наружности Сергея Алексеевича? Невысокий, пряткий, расторопный и сообразительный. Пара, право, забавная: у Матрёны Дмитриевны, когда они стояли рядом начинающая лысеть макушка Сергея торчала на уровне её подмышки. Она снисходила, гладила темечко мужа. Он, будто опасаясь ласки молодой жены, ёрничая, шутил:

– Голову любят, а волосы дерут.

Отец, Александр Иванович Бычков, рассказывал, что слышал об их нескладных отношениях от бабушки Матрёны.

Говорила Матрёна Дмитриевна так:

– Дед твой меня не любил, да и я тоже терпела его с трудом. Злыдень, что иное скажешь. Бывало подходит к построенному им дому Сергей Алексеевич, дед твой, и все собаки и куры бросаются в разные стороны от его крика и шума.

Добрая, красивая, со склонностью к дородности, сильная, терпеливая необычайно, Матрёна порой взглядывала на мужа, как смотрят большие люди на малорослых – снисходительно. Это его заводило либо на любовь, либо на битьё. Высокая, статная, в чёрном шёлковом платье, на пышные плечи накинута гипюровая шаль: на диво хороша Матрёна Дмитриевна! А его от этого злость берёт. Поведёт она плечом – ему мнится, будто она кого к себе манит, и он тотчас съездит ей кулаком по шее, причёску испортит. И пошёл, и пошёл на неё наскокивать с кулаками. Недоумение и сарказм вызывает поговорка: «Бьёт – значит любит». А супружеский долг – дело святое! В этом неладном супружестве нажили они семерых детей!

– Ну, что ты, Серёжа, разошёлся: бьёшь и бьёшь?! Все руки себе отбил, дурачок.

Начало этому битью было положено, когда они ещё были молодожёнами. Бил он молодую, понуждая идти к её родному батюшке и просить денег на строительство дома. Дескать, прибавления в семействе ждём, первенца – сына. Откуда он знал, что родится сын?!

Сергей Алексеевич и Матрёна Дмитриевна с дочкой Маней

Матрёна, которая была на сносях, никак не могла позволить себе прийти в отчий дом попрошайкой. Тогда Сергей надумал сломить её волю ямщицким манером. В зимнюю пору Сергей с Матрёной проезжали мимо дома её родителей. Муж, выпихнув из саней беременную жену в снег, перепоясал её со злобой кнутом и приказал:

– Иди к отцу, проси помочь с домом; пусть денег даст и лесу. Без денег не возвращайся!

Да убоится жена мужа, так было в ту пору. Матрёна вернулась к злыдню-мужу на следующий день, молча передала завёрнутые в платок восемь сторублёвых ассигнаций. Произнесла только два слова: «Лес даст». Дом в один сезон построен был. Горя в новом доме было куда больше, чем семейного счастья.

По словам Матрёны Дмитриевны, дед был небольшого роста, энергичный, подвижный, страсть шумливый. Занимаясь извозом, имел пару кляч, доставлял различные материалы со станции Лопасня или из Серпухова главным образом на текстильную фабрику Медведевых в селе Венюково. Есть основания предположить, что извозом мой прадед начал заниматься в Серпухове, откуда и появился в данном образе в Лопасне, доставляя грузы из пакгаузов железнодорожной станции Серпухов Медведевым и другим заказчикам.

Прадед мой не так уж и дурён при всём его своенравии: надрывая невеликие силы свои (умер в сорок два года!), норовил выйти в люди. Как он эту задачу понимал? «Не я, – рассуждал Сергей Алексеевич, – так дети мои, внуки и правнуки достигнут высот в общественном положении». Здравое, мудро рассуждал! Строил двухэтажный дом, полагая: с этой «кочки» подальше, чем из избы о трёх оконцах, видать!

За годы супружества Сергей и Матрёна нажили семерых детей: двух девочек – Сашу и Дуню, мальчиков – Колю, Ваню, Сашу, ещё одну дочь Маню и последыша Митю, 1902 года рождения! Что же из них вышло на поверку?

Первые по годам рождения две особы женского рода в мать пошли – жили благопристойно, семейно, тихо, воды не замутив. У тётки Дуни было единственное дитё – дочь Серафима, многие годы работавшая на радость всем лопасненцам в единственном на двухтысячеголовое население райцентра книжном магазине. Как раз через неё Бычковы узнали, что такое подписные издания, модные новинки, литературная классика. Её заботами всё это оказывалось в нашем доме, помогало растить начитанных детей.

Тётя Саша – отрезанный ломоть: на особинку жила в Москве, в Лопасню не приезжала.

Что скажу между строк, пост фактум? Что являло собой генетическое производство (извините, происхождение) эта комбинация из семи персон. Гадать не приходится насчет первой дочери – явно в мать, добротна и покладиста (ах, если бы нашлись её потомки среди самых, что ни на есть коренных жителей сегодняшней Москвы – было бы чем подивиться, полюбоваться, погордиться. В этом не сомневаюсь. Несомненно, видна будет хорошая порода. Тож бабушка Душа (Евдокию Сергеевну я помню хорошо, но лишь в почтенных годах, старушкой – милая, ласковая, несказанно добрая, заботливая, энергичная, тихая, воды не замутит, росточка небольшого – в отца, а статью в Матрёну Дмитриевну).

«Внучёк, пойдём в гости к бабушке Душе», – именно так Анна Игнатьевна готовила меня к «обвалу» гостеприимства и на без того заласканного бабкой и тёткой-крёстной Соней мальчика: «Терпи, казак!» Терпел. И вот спустя 80 лет с искренней сердечностью переживаю вновь несказанную теплоту. Словно Бог тебе в ухо шепчет, голосом Бабы Души: «Касатик! Касатик!» – ласково шептала, целуя меня в стриженную макушку, бабушка.

Как тут ещё и ещё раз не обольститься пластичностью, точностью, выразительной силой русского языка. Не обратишься к этой забывшей свои года женщине, говорящей будто ангел Божий – певуче, напоминающей мне внешностью и говором Александру Пахмутову: строго – Евдокия, фамиллярно – Дуня, языком коммунальной квартиры Дунька, Дуська, чрезмерно-сентиментально Душечка, а по жизни только так – Душа!

Сыновья Сергея Алексеевича и Матрёны Дмитриевны, Коля и Саша, были, как тогда их именовали, «коты», то есть люди без определённых занятий, бродяги. Бродяжничали они от Москвы до самой Кяхты – по всей необъятной России: путешествовали, подсобляя, когда попросят, побираясь и подворовывая. Слово «путешественник» и тут попадает в самую точку. Бродяг бородатых, «бешпашпортных» арестовывали в Бийске или Чердыни и доставляли этапом (под конвоем) на постоянное место жительства, то есть в Лопасню, в дом Бычковых. Не в свою эпоху родились Коля и Саша: явись они на свет в XVI–XVII веках, оказались бы, возможно, первооткрывателями сибирских рек, хребтов, ископаемых. Землепроходцы были первыми людьми в России – их фамилии на карте Сибири и Америки!

Солдат с ружьем, сдав в семью Колю или Сашу, отбывал на место службы. Доставленные по этапу дядья, один или другой, кратковременно проживали в доме Бычковых, а затем неисправимые бродяги вновь устремлялись в бескрайние дали. Сергей Алексеевич занят извозом и потому «дома не наследует». Всё время в пути, весь в делах и обязательствах. Постоянно при лошадях. Матрёна Дмитриевна – хозяйка, при доме, при детях, при скотине. Привязана крепче, чем собака цепью к будке. Дети! Семеро их! Вообразить трудно, как она управлялась.

А как началось мальчишечье самоуправство? Сашка маленького роста, юркий, как мышь. Только что вертелся у матери под ногами и нет его, исчез. Иван, погодок Сашки: спокойный, обстоятельный, вдумчивый мальчик. Всё чего-нибудь мастерит. Всегда готов подсобить. А Сашка – егоза, домой шей похлебать забежит один раз в день, и всё. Вечно крутится меж крестьянских возов на огромном базаре, что протянулся от каланчи пожарной на северной окраине Лопасни до церкви Анны праведной Зачатия на юге торгового села. Ушёл однажды и не вернулся, кто-то приметил и передал Матрёне: «С цыганами он», – видать, сильно поманила кочевая таборная жизнь. Два года спустя привели его под конвоем как пойманного в сибирском городе Бийске бродягу. Пожил с неделю Сашка и опять утёк, а вдобавок к нему прилепился Коля. Этот, как телок, даром, что «Бычком» прозывали.

Сердобольная, Матрёна Дмитриевна ничего не могла поделать с беспутными сыновьями. Ветер странствий гнал их вдаль, как сор вдоль пыльных дорог. Древний родовой инстинкт брал своё, по-видимому, казацкие гены Сергея Алексеевича, прибывшего из степных краев в Серпухов, а затем перекочевавшего в Лопасню. Беспаспортные бродяги-арестанты, конечно же, не делали чести роду Бычковых.

Эти Коля и Саша, Саша и Коля, унаследовавшие неудержимую отцовскую жажду движения, беспокойное существование вопреки всем обстоятельствам. Тут поневоле вспоминаешь казацкую вольницу и первопроходцев Сибири, как эту тягу возможно было осилить? Но дядья моего отца, разумеется, не могли себе представить, как смог идущий вслед им племянник, сын Ивана Сергеевича, уродившийся счётным работником, смог просидеть три четверти века на стуле или табуретке, марáкуя, прокручивая в голове бесконечные ряды и колонки цифр, за которыми стояла конкретная, деятельная жизнь тысяч и тысяч тружеников, проекты и свершения и даже расчёты артиллерийских стрельб.

Взяв по мобилизации рядового необученного, по всем физическим данным – гвардейца-кавалергарда, ростом метр девяносто сантиметров, не удумали сделать его наставником по строевой подготовке в Кремлёвском полку, а изрядно попотев над строчкой в анкете «главбух», решили применить его способности расчётчика в артиллерийском деле. Александр Иванович в школе противотанковой артиллерии в тихом чувашском городке Канаш подготовил для фронта тысячи прекрасных наводчиков и командиров батарей прямой наводки. Голодал, скучал, серчал (его излюбленное словечко), но лямку тянул безукоризненно, продуктивно, сиятельно.

Центр старой Лопасни. Базарный день. Бурное торжище заполнило всю главную Московскую улицу

Всеми статьями мой дед Иван Сергеевич пошёл пригожеством в мать, острым разумом, сноровкой – в отца, и одарил этими добродетелями, в свою очередь, моего отца, Александра Ивановича. Впридачу одарил его остойчивостью, то есть способностью судна (тож человек), выведенного из состояния равновесия, возвратиться в прежнее состояние по прекращении отрицательного воздействия стихий или обстоятельств иного рода. И холерический характер своей супруги, моей матери, Татьяны Ивановны, и неизбежные штормы в финансовых морях и океанах, были тем самым воздействием. Фигурально выражаясь, Александр Иванович, внешне

невозмутимо спокойный, де-факто пребывал в прифронтовой полосе – на военном положении, можно сказать, всегда. Финансы, казённые притом.

Так что же, детей у Матрёны Дмитриевны и Сергея Алексеевича куча мала, а достойных на фоне российской общественной жизни не видать? Разве что Иван выделяется: мастеровой он знатный, что и говорить! Слесарь-лекальщик – незаменим в любом машинном производстве. Женился Иван на Анне Завидоновой, девушке со Старого Бадеева. Дети у Ивана и Анны на славу удались! Высокие, статные: Александр, Софья, Сергей. Подростали дети, как говорится, живи да радуйся! Сохранились три карточки, заказанные у прекрасных московских фотографов, держателей специализированных ателье. Фото начала 1907 года: молодая семья с первенцем, сыном Александром. Что сказать об Анне и Иване? Серьезные молодые люди: несомненно чадолюбивые, собранные, умные, работающие, о чем можно с уверенностью утверждать, взглянув на руку Ивана, оказавшуюся на первом плане. Под стать и рука Анны – не барская, а трудовая и ласковая в то же время.

На снимке 1912 года – супруги Бычковы с уже подросшим Александром. Двадцатипятилетний Иван Сергеевич с пронизательным, пытливым взглядом карих глаз, с закрученными по моде усами, в элегантной косоворотке с изящной вышивкой по вороту, выглаженном, хорошего кроя сюртуке – рабочий-интеллигент. Новоявленное творение индустриального века, человек, обаянный какой-то поразившей его мыслью.

Супруги, Иван и Анна Бычковы, с уже подростком Александром

Мой дед Иван Сергеевич (слева) перед отправкой на фронт. 1914 год

Третья портретная сессия явила человека вполне зрелого, задетого чем-то важным, сокровенным, далеким от окончательного разрешения. На его крупном, можно сказать, породистом лице печать серьёзной задумчивости. Фотография 1914 года. Иван Сергеевич и два сослуживца перед отправкой на фронт. Сделаю дерзкое предположение: тридцатилетний рабочий военного завода, уникальный специалист (слесарь-лекальщик, создатель моделей образцов оружия), отец трёх детей мог быть мобилизован в первые дни войны и тут же отправлен в действующую армию, видимо, только по одной причине – замечен в сотрудничестве с социал-демократами...

О младшем сыне Сергея Алексеевича и Матрёны Дмитриевны, дяде Мите, мой отец сообщил следующее: «Дядя Митя лет до девятнадцати жил в лопасненском отчем доме, работал связистом-монтером, а затем уехал в Москву. Служил в ГПУ. Последнее время (пятидесятые годы – Ю. Б.) работал во Львове в областном управлении госбезопасности. Последний раз я его видел, когда он заезжал к нам в Лопасню после того, как побывал в Москве по вызову – ему вручали орден и присвоили очередное воинское звание. Здоровье дяди Мити после покушения на него бандеровцев было плохое. Он переехал с семьей в подмосковный город Пушкино, где вскоре умер».

Есть такая профессия – Родину защищать. Дмитрий Сергеевич Бычков из когорты рыцарей, стоящих на защите безопасности нашей страны. Низкий поклон светлой памяти твоей, дорогой Дмитрий Сергеевич.

...У Анны Игнатьевны было трое детей: Александр, Софья и Сергей. Для того, чтобы не умереть с голоду, семья держала корову, которую с большими трудностями удавалось прокормить. Сено заготавливали всей семьей мешками, то есть брали мешки, серпы и шли в лес, где по кустам жали нескошенную траву и на себе несли домой. Там уже сушили и убирали на зиму.

«Выйдя замуж в 1905 году моя мама, Анна Завидонова, пришла со Старого Бадеева в дом Бычковых в Лопасню, в семью, которая состояла из бабушки Матрёны Дмитриевны Бычковой, тёти Мани, дяди Мити, отца Ивана Сергеевича, матери и появившихся один за другим их троих детей: меня, Сони и Сергея. Главой дома, старшей после умершего в 1906 году Сергея Алексеевича стала Матрёна Дмитриевна», – писал в воспоминаниях мой отец.

Анна Игнатъевна с внуком Володей. 1947 год

Мучительным было в голодные годы революции и гражданской войны отсутствие хлеба. Юношей 14–15 лет Александр (мой будущий отец) несколько раз обращался в мешочника и отправлялся с попутчиками-лопасенцами в хлебные края. Повсюду, особенно в местах скопления людей, например, на железнодорожных станциях, свирепствовал тиф. В апреле 1922 года, возвращаясь из поездки в Тульскую губернию, он заболел брюшным тифом. Выжил, но бабушка, которая за ним ухаживала, заразилась от него и через 12 дней умерла. Семья стала

на глазах рассыпаться. Вышла замуж и ушла на Старое Бадеево к Константиновым тётя Маня. Дядя Митя уехал в Москву. В доме на втором этаже осталась Анна Игнатьевна и трое её детей.

В чулане, примыкающем к сеним второго этажа, жили до этого времени бродяжничающий дядя Саша с женой, которую он приглядел себе в нижнем этаже дома Бычковых. Нижний этаж ещё Сергей Алексеевич сдавал в аренду. Была там вначале пекарня. Затем помещение снимала семья портных. Их в свою очередь сменило многолюдное семейство бондарей, и в их числе молодая бондариха Маша. Прибыв в отчий дом из очередного вояжа, бродяга дядя Саша женился на Маше-бондарихе, и она стала Марией Яковлевной Бычковой. Всё бы ничего, коли б жили они по-человечески. Но бродяга Саша, напившись, постоянно издевался над Анной Игнатьевной. Однажды зимой, пьяный дядя Саша пнул ногой полную горящих углей маленькую железную печку «буржуйку», угли посыпались на пол. Терпение Александра пришло к концу. Пятнадцатилетний юноша, рослый, достаточно крепкий, схватил за шиворот тщедушного дядю Сашу и спустил его по лестнице в двенадцать ступеней вниз

Относительное благополучие на втором этаже дома Бычковых возникло благодаря ранней самостоятельности и тяге к учёбе Александра. Учиться, учиться и учиться – было нормой его жизни.

«Я получил среднее образование, – писал он, – закончив 4 класса приходской школы и 4 класса высшего начального училища. Так как было голодное время (1922 г.), в шестнадцать лет начал трудиться на ткацкой фабрике Медведевых учеником рабочего. В десятиметровом металлическом цилиндре я палкой укладывал в стопу непрерывно текущую сверху ленту суровья. Труд был опасный и непосильный, но для спасения семьи пришлось работать и хоть как-то помогать семье. Прошло два года, фабрика остановилась из-за отсутствия сырья. Я оказался безработным.

В течение целого года раз в неделю я ходил пешком в Серпухов на биржу труда, чтобы отметиться и узнать, нет ли вакансии. Через год меня послали на фабрику „Красный текстильщик“. Проработал там недолго: мне неожиданно-негаданно предложили стать учеником страхового агента у нас в Лопасне. (Что тут скажешь – судьба! – Ю. Б.)

В 1928 году я был направлен уже на самостоятельную должность страхового агента в селе Стремилowo. 25 июня 1929 года женился на Велемициной Татьяне Ивановне, а накануне этого события получил перевод из Стремилова в Михнево районным страховым агентом. Через год по требованию жены вернулся в Лопасню и вплоть до пенсии в 1967 году в качестве главбуха трудился на предприятиях и в организациях Лопасненского района».

Мой отец – страховой агент по селу Стремилowo

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.